

с этим пришлось считаться самому автору «Бедной Лизы». В первой публикации карамзинской повести у героини «черные глаза», в последующих — «голубые». Характерно, что эта правка появилась именно в «Бедной Лизе», наиболее популярной повести Карамзина, сделавшейся своеобразным манифестом русского сентиментализма. В «Наталье, боярской дочери» остались упоминания о черных глазах героини, ее «черных пушистых ресницах». «Алейший румянец» на ее «белом лице» и «белое, румяное лицо» героя — детали, которые отчасти связаны с фольклорной стилизацией повести. Но стилизация эта достаточно поверхностна. В целом в повести Карамзина, так же как и в его поэме «Илья Муромец», «даются явно эстетизированные образы». ⁴² Наталья оказывается скорее сентиментальной барышней XVIII в., чем древнерусской боярышней. Соответственно в ее портрете также присутствуют черты стереотипа. Описывая пробуждение героини, Карамзин упоминает о ее «распущенных темно-русых волосах, лежащих на плечах», «утреннем наряде», «белой полуоткрытой груди», «до нежного локтя обнаженной руки». Подобные детали, связанные с домашним, интимным характером изображения, появляются и в русской живописи 1790-х гг. Таков, например, портрет О. К. Филипповой (около 1790) работы В. Л. Боровиковского. ⁴³ Во многих других его женских портретах варьируется тип «чувствительной» героини, изображенной в простом белом платье, с распущенными по плечам волосами, привлекающей своей непринужденностью и естественностью. Это было важным новшеством даже по сравнению с портретами Ф. С. Рокотова, представлявшего свои модели с тщательно сделанными прическами, в нарядных, «выходных» платьях (портрет А. П. Струйской, 1772; портрет неизвестной в розовом платье, 1770-е гг.). Излюбленным украшением героинь Боровиковского оказывается живой цветок (в волосах, в руке, стоящий рядом на столе) или лента: портреты Н. И. Львовой, Е. В. Торсуковой, М. И. Лопухиной, «Лизынька и Дашенька» и др.

Интересную аналогию портретному искусству русского сентиментализма представляет собой эпизод из повести А. И. Клушина «Несчастный М—в» (1793). В развитии сюжета этот эпизод играет очень значительную роль: объяснение влюбленных героев происходит во время работы М—ва над портретом своей ученицы Софьи. Автор повести как бы описывает одну из моделей Левицкого или Боровиковского: «Софья, одетая в белое простое платье, с розою на груди, с тилковым бантиком на темно-русых волосах, развевающихся от дуновения зефира, которые он перебирал бережно, с арфою в руках, садится в кресла. Во-

---

⁴² Пигарев К. В. Русская литература и изобразительное искусство, с. 189.

⁴³ Алексеева Т. В. Владимир Лукич Боровиковский и русская культура, с. 64—66.